

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ ПРОФЕССОРА Т. А. ГУРИЕВА В СФЕРЕ ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ

Р.Я. Фидарова

Профессор Т.А. Гуриев – один из немногих ученых-осетиноведов, сумевших сформировать стройную, целостную концепцию осетинской духовной и художественной культуры, свою собственную научную картину национального мира. Ученый поставил целью исследовать содержательные формы взаимодействия осетин и их предков с объективным миром в исторической перспективе; взаимодействия, при котором выявляются многогранные аспекты этно-национального духовно-нравственного космоса, культурно-философского кода народа, во-первых. Во-вторых, в процессе традиционного осмысления и познания объекта своего изучения профессор умело и творчески использует уже устоявшиеся, апробированные правила, нормативы, принципы познания, которые помогают ему решить свои творческие задачи. При этом Т.А. Гуриев стремится выстроить в своих исследованиях структуру создаваемого научного знания таким образом, чтобы установить преемственную линию связи с уже существующей научной теорией.

Активно используя сравнительно-исторический метод, Т.А. Гуриев стремится выявить общее и особенное в скифо-сарматско-алано-осетинском мире, достичь глубокого познания различных исторических этапов данных объектов, выяснить и сопоставить разные уровни в их эволюции, тенденции становления и развития. Прибегая к сравнительно-сопоставительному методу, ученый пытается проанализировать природу и своеобразие разнородных объектов. А сравнительно-типологический метод позволяет ему объяснить сходство явлений, которые не связаны по генетике.

Творчески использует профессор такие философские категории, как историческое и логическое. Причем с помощью исторического ученый прослеживает процесс становления и развития скифо-сармато-алано-осетинского мира, а с помощью логического – его развитие в системе важнейших связей и отношений.

Ключевые слова: методология, принципы и подходы, скифская культура, сарматская культура, аланы, осетины, сознание общества

Принципы научного мышления профессора Т.А. Гуриева дают возможность попасть в волнующий и неповторимый мир наших далеких предков; перед нашим мысленным взором предстают кон-

кретные картины их нелегкой жизни, быта, деятельности. Почти как в реальности ощущаем их горести и радости, – все, чем они жили, их психологию, менталитет, традиции и обычаи, весь их жизненный уклад. Можем проследить целые эпохи культурного становления предков осетин, несмотря на глубинные объективные процессы, с одной стороны, кристаллизации, с другой – систематизации, происходившие в течение многих веков и даже тысячелетий, что логично, ведь культура субъекта истории (этноса-народа-нации), развиваясь по своим специфическим законам, весьма последовательна и своеобразна.

Системность – один из важнейших творческих принципов научного мышления Гуриева, дающий ему возможность сформировать целостность, концептуально-комплексный подход к изучению истории духовной и художественной культуры народа в процессе его социально-исторического становления. То есть, согласно концептуальным представлениям ученого, скифо-сарматское общественное сознание и все его сферы представляют собой единую, комплексно-системную целостность со своими постоянными константами этнического мира. Целостность, которая вместе с тем имеет свои качественные исторические типы в различные эпохи и зависит от развития сознания общества осетин и их предков. Второй принцип научного мышления Т.А. Гуриева, связанный с первым, – принцип преемственности. Ученый рассматривает скифо-сармато-алано-осетинский мир системно, как гармоническую целостность, то каждый этап, каждую веху истории этого мира он воспринимает как часть единого целого, тесно связанную с целым, т.е. со всей богатейшей историей культуры. И, безусловно, видит их глубинные, органические, генетические связи между собой. Тут ученый исходит из идеи преемственной философской связи части и целого. Следуя логике Т.А. Гуриева, оригинальнейшая культура скифского мира качественно трансформируется в сарматскую культуру, сохраняя многие свои сущностные константы, которые, накапливаясь веками, формируют этническое своеобразие и богатство общественного бытия и общественного сознания скифов и сарматов, а затем и осетин.

Третий принцип научного мышления ученого – учет причинно-следственной зависимости этнокультуры от социально-исторической действительности. Так, профессор исходит из той позиции,

что духовная и художественная культура скифов и сарматов, а затем алан и осетин, органически зависела от характера и специфики исторической реальности. В ней нет и не может быть ничего случайного, несущественного: все закономерно, развивается логично и последовательно.

С учетом своих принципов ученый рассматривает нартский эпос и отраженное в нем мироощущение его субъекта как его бесценный духовный и исторический опыт.

Скажем, анализируя вопросы генезиса нартского эпоса, ученый определяет национальную его принадлежность, что особенно ценно и важно и в осмыслении не только осетинского нартского эпоса, но и других его национальных версий (абхазской, адыгейской, кабардинской, балкарской, вайнахской). Дело в том, что в науке сформировалось две точки зрения уже к середине прошлого века. Суть первого подхода заключается в том, что разные ученые доказывали наибольшую архаичность именно «своего» национального варианта сказаний, ссылаясь на мотивы, имена героев и т.д. Следуя этой логике, в незапамятные времена существовало несколько эпицентров распространения нартского эпоса. По мнению профессора, данная точка зрения ярко представлена в сборнике научных статей «Сказания о нартах – эпос народов Кавказа» [1].

Второй подход, представленный в том же сборнике «Сказания о нартах – эпос народов Кавказа», стремится отрицать идею единого национального центра нартского эпоса, признавая эпос коллективным творчеством всех народов Кавказа.

Т. А. Гуриев по этому поводу замечает: «Наука давно выяснила, что многие народы Кавказа имеют свои национальные версии нартских (нартских) сказаний, и у каждой – весьма яркие, неповторимые черты» [2, 5]. Далее ученый приводит целый ряд неопровержимых доказательств верности своей точки зрения.

Конечно, в своей позиции Т. А. Гуриев не одинок. В частности, сам ученый ссылается на авторитетное мнение Ж. Дюмезиля по вопросу о концепции всех национальных вариантов эпоса, который писал: «1). Именно у осетин и, конечно, отчасти уже у их далеких предков сформировалось ядро нартского эпоса и наметились его главные герои. Знаю, вынося это суждение, я огорчу своих черкесских и абхазских друзей, но *magis amica veritas* «истина дороже дружбы», в

основе своей нартовский эпос – осетинский. 2). Он был воспринят несколькими соседними народами, видоизменялся на разные лады, терял и обогащался, приобретая, прежде всего, различную нравственную окраску» [3, 161].

Словом, Т.А. Гуриев отвергает идею «единого кавказского субстрата» в эпосе нартов и весьма убедительно, активно использует свои глубокие познания в сфере социальной истории осетин и других народов северокавказского региона, языкознания, культурологии и других сфер научного кавказоведения.

Далее ученый делает вывод, имеющий огромное историко-теоретическое и методологическое значение не только в вопросах изучения нартского эпоса, но и в целом для процессуального изучения проблем истории культуры, в частности, как осетин, так и всех северокавказских народов. «Без учета значения ираноязычного элемента на Кавказе, – пишет проф. Т.А. Гуриев, – невозможно правильно решить вопросы формирования древних культур данного региона» [2, 8].

Профессор раскрывает процесс осознания субъектом эпоса себя во времени и пространстве, что замечательно, по мнению ученого, отразилось в эпическом сознании предков осетин, который сумел отразить процесс развития истории осетинского народа. Ученому удалось проследить это в эстетике фольклорного и эпического типов художественного мышления предков при анализе эволюции мифа-фольклора-эпоса.

На наш взгляд, весьма значима для судеб осетинской культурологии, этики, эстетики, языкознания, – в целом для всей гуманитарной научной мысли осетин, и следующая глубокая мысль ученого. Как пишет Т.А. Гуриев, «...верная в своей основе теория субстрата осетиноведами используется слишком неосторожно и, во всяком случае, слишком часто. Нужно признать, что для решения проблемы неиранского в осетинском (языке, фольклоре и т.д.) одной теории субстрата явно недостаточно. Кстати, если уж говорить о местном субстрате, на котором формировался осетинский язык, то следует ссылаться не на один субстрат, а на действие нескольких субстратов. Ареал распространения осетинского языка наталкивает на мысль, что предки осетин смешались не с одним, а с несколькими народами, говорившими на разных языках. Сказанное о языке

можно применить, с определенными оговорками, и к области фольклорной культуры» [2, 9].

Весьма любопытно мнение ученого и о процессе становления эпического сознания. Так, он отмечает: «Процесс становления эпоса не был быстротечным или простым. Мы должны учитывать эволюцию народного эпоса: между его «ранним» и «зрелым возрастом» имеются серьезные различия». И в данном вопросе он солидарен с профессором В.И. Абаевым: «Строго научный подход к решению этого вопроса предложил профессор В.И. Абаев. Еще в 1945 г. он сделал анализ мотивов и сюжетов цикла Батраза и пришел к выводу, что этот цикл формировался очень долго, что своими древнейшими элементами он уходит в глубокую старину» [2, 11].

В подтверждение своей мысли профессор Т.А. Гуриев приводит слова профессора В.И. Абаева: «Через длинный ряд столетий он доносит до нас мотивы скифо-сарматского быта и иранской мифологии. С другой стороны, наличие в нем монгольских влияний позволяет датировать его окончательное оформление XIII-XIV веком» [4, 68].

Весьма убедительна научная позиция ученого, когда он поднимает вопросы преемственности. Ведь в его концепции развития истории художественного сознания, где особо выделяются такие типы, как мифология, фольклорный тип художественного мышления, эпическое мышление, идея преемственности – одна из важнейших.

Весьма ценной является мысль профессора о влиянии образа жизни субъекта на эволюцию его художественного сознания. Так, он пишет: «С одной стороны, условия жизни разных родственных племен оказались различными и это привело (должно было приводить!) к появлению каких-то особенных черт в их фольклорных произведениях. Например, в творчестве жителей приморских районов сильнее были мотивы, связанные с морем, а у жителей горных районов усилились горные мотивы. В этом есть своя логика. Пока часть скифо-сармат вела кочевой образ жизни, серьезных расхождений в их устном творчестве не могло быть. Когда же этот фактор перестал «работать», усилились тенденции к созданию локальных вариантов легенд и эпосов» [4, 12].

Т.А. Гуриев рассматривает духовно-нравственные, философско-мировоззренческие и эстетические ценности предков через их

отражение в зеркале мифологии, фольклора, эпоса, которые всегда выражали наиболее существенные и общие законы жизни своего субъекта в соответствии с формирующимся гуманистическим пониманием бытия. При этом, отражая повседневность, оно решало очень важную творческую задачу, формируя большие художественно-философские обобщения в перспективе социальной истории своего субъекта. И, конечно, используя исторические сюжеты разных эпох, в т.ч. мифы и легенды, для раскрытия гуманистической сути борьбы человека за покорение мира и познания своей собственной природы.

В фольклорном типе мышления это сочеталось с использованием фантастических образов, смелого поэтического вымысла, символики, условных форм. При этом сюжеты наполнялись новым смыслом, отражающим гуманистическое восприятие действительности, что выражалось в **обогащении** изображения характеров и душевного мира героев.

Учитывая, какой длинный путь исторического развития прошло художественное сознание осетин, профессор выстраивает логически и теоретически обоснованную его типологию. При этом рассматривает мифологию как первый тип художественного сознания, имеющий огромное значение в истории этнокультуры осетин и их предков и эхом отзывающийся даже в культурном пространстве современности, т.е. в XXI в.

Важно было показать, как предки выработали свое особое видение действительности, как возникла их мифологическая картина мира, формирующая основу их этнического переживания. Ученый изучил, как чувства и понимание смысла жизни, запросы и идеалы предков определяли специфику народной души и образа их жизни.

Т. А. Гуриев доказал, что мифологическая картина мира предков – это совокупность их обобщенных философских, мировоззренчески-фундаментальных знаний о мире. Она, формируясь веками, помогала предкам ориентироваться в окружающей действительности и адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах. То есть мифологическая картина мира предков – это, по мнению ученого, простой, понятный первобытному человеку образ окружающего мира. На протяжении многих веков предки формировали свою картину мира, включая в нее то новое, что человеческий разум замечал и

фиксирует в природе, в себе, в социуме. Словом, как убедительно доказал профессор Т. А. Гуриев, это духовное творчество всего общества предков.

Ученый отмечает существенное различие между мифологическим и эпическим сознанием. Если в мифах мир создан богом-творцом, то в эпосе – мир возник сам по себе, т.е. в эпосе зарождается «научно-реалистический» взгляд на появление вселенной.

Итак, богатейшую духовно-нравственную картину мира предков осетин профессор осмысляет через глубокий и всесторонний анализ нартского эпоса. Ученый пытается понять и представить всю онтологию этно-национального бытия осетин и их далеких предков. Тамерлан Александрович стремится постичь самую экзистенциальную сущность как общественного бытия, так и общественного сознания предков и именно через представление многогранности художественных образов эпоса.

Учитывая, что в эпоху первобытности наблюдалось тотальное подавление индивидуальности, ученый восхищается эпическими героями нартов, подчеркивая, что свобода воли идеальных героев эпоса проявляется в постоянном стремлении творить добро и красоту.

Художественный образ в эпосе, как убедительно показал профессор Т. А. Гуриев, – это своеобразный способ мышления, способ абстрагирования, единственная форма осмысления предками сложных вещей и явлений, представленных ими действительностью.

Профессор Т. А. Гуриев показывает неразрывную связь своеобразия эстетического абстрагирования в эпических образах с развитием человеческой чувственности, с практически-чувственной деятельностью человека.

В частности, ученый отмечает любовь нартов к жизни, к праздникам, к музыке, танцам и подчеркивает, что все свое время нарты проводят или в походах, или в пиршествах, в игрищах-соревнованиях.

Профессор Т. А. Гуриев анализирует особенное мировосприятие в эпосе идейно-эстетические представления, которые отражаются в эпической концепции человека.

Герои утверждают позиций добра и справедливости, что становится, по мнению ученого, важнейшей художественно-эстетической

задачей эпоса. Данная мысль ученого особенно ярко проявляется в его анализе конкретных образов героев. Так, осмысляя характеры важнейшей семейной пары эпоса, Урызмага и Сатаны, ученый акцентирует внимание на главных чертах характера «лучшей женщины нартов», олицетворяющей в себе женский идеал нартов и их субъекта – предков осетин.

Она является мудрой советчицей нартов, что особо подчеркивает ученый.

Будучи последовательным в своих научных воззрениях, Т. А. Гურიев заключает: «Колоритный образ нартовской героини Сатаны мог зародиться, формироваться и сохраниться в такой среде, где идеология матриархата пустила глубокие корни. Такой средой была скифо-сарматская действительность» [5, 24].

Профессор анализирует, как в эпосе нартов формируются эстетические понятия и представления предков осетин: красота, гармония.

Как отмечает профессор, «образ идеального музыканта в осетинской Нартиаде окончательно оформился уже в античную эпоху» [5, 48]. Но для такого предположения нет оснований. Хотя истоки данного образа уходят в первые века до н.э., образ чудесного музыканта достиг своей покоряющей силы не в одно столетие. Он шлифовался и оттачивался народным гением, талантливыми сказителями и исполнителями в течение многих веков, поскольку должен был стать средоточием, выразителем эстетических вкусов носителей эпоса. Если мы подойдем к образу Ацамаза с этой точки зрения, то мы поймем, что перед нами нечто такое, которое выражало стремления и идеалы народа на протяжении большого периода истории скифо-сарматских (аланских) племен, т.е. практически со времени зарождения образа вплоть до наших дней» [5, 48].

Так умело используя определенные методологические принципы, подходы и способы научного познания, профессор Т. А. Гურიев вместе с другими авторитетными учеными, такими как В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль и др., участвует в формировании научной теории осетиноведения, в выработке понятий и каркаса науки об осетинах.

1. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. 545 с.
2. Гуриев Т.А. Проблемы Нартиады. Орджоникидзе: Ир, 1982. 34 с.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
4. Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ. Т.Х. Вып. 1. Дзауджикау, 1945. 118 с.
5. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан. Владикавказ: Ир, 1991. 174 с.

Fidarova, Rima Ya. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); rfidarova@mail.ru

METHODOLOGICAL RESEARCH OF T. A. GURIEV IN OSSETIAN STUDIES.

Keywords: methodology, principles and approaches, Scythian culture, Sarmatian culture, Alans, Ossetians, consciousness of society.

Professor T.A. Guriev is one of the few Ossetian scholars who have managed to form a coherent, integral concept of the Ossetian spiritual and artistic culture, his own scientific picture of the national world. The scientist set a goal to investigate the meaningful forms of interaction of Ossetians and their ancestors with the objective world in a historical perspective; interaction, which reveals the multifaceted aspects of the ethno-national spiritual and moral space, the cultural and philosophical code of the people, firstly. Secondly, in the process of traditional comprehension and cognition of the object of his study, the professor skillfully and creatively uses already established, approved rules, standards, principles of cognition that help him to solve his creative problems. At the same time, T.A. Guriev seeks to build in his research the structure of the scientific knowledge being created in such a way as to establish a successive line of communication with the already existing scientific theory.

Actively using the comparative-historical method, T.A. Guriev seeks to identify typicality and specificity in the Scythian-Sarmatian-Alanian-Ossetian world, to achieve deep knowledge of the various historical stages, to find out and compare different levels in their evolution, tendencies of formation and development. Using the comparative-contrastive method, the scientist tries to analyze the nature and originality of heterogeneous objects. And the comparative-typological method allows him to explain the similarity of phenomena that are not related in genetics.

The scientist creatively uses such philosophical categories as historical and logical. Moreover, with the help of the historical category the scientist reconstructs the process of the formation and development of the Scythian-Sarmatian-Alanoian-Ossetian world, and with the help of the logical category analyses its development in the system of the most important connections and relations.

References

1. *Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza* [Legends about the Narts. The epic of the peoples of the Caucasus]. Moscow, 1969. 545 p.
2. Guriev, T.A. *Problemy Nartiady* [Nartiada problems]. Ordzhonikidze, 1982. 34 p.
3. Dyumezil', Zh. *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian epic and mythology]. Moscow, 1976. 276 p.
4. Abaev, V.I. *Nartovskii epos* [Epic of the Narts]. *Izvestiya SONII* [Bulletin of the North Ossetian Research Institute]. Vol. 10, iss. 1. Dzaudzhikau, 1945. 118 p.
5. Guriev, T.A. *Nasledie skifov i alan* [The legacy of the Scythians and Alans]. Vladikavkaz, 1991. 174 p.